

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Философия самосознания

РОССИЙСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ: ПУТИ РАЗВИТИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В последнее время вопросы российского самосознания стали предметом широкого обсуждения, привлекли внимание специалистов разного профиля — философов, историков, политологов, культурологов, социологов, психологов, филологов. Этот факт обнаружил не только общественно-политическую актуальность темы, но и настоятельную необходимость разработки адекватной современному обществу методологии исследования проблемы. Именно это обстоятельство определило выбор данной темы в качестве сквозной для Всероссийских ежегодных конференций, проводимых Институтом философии РАН совместно с научными центрами регионов России (2006, Москва — Орел; 2007, Москва — Тамбов; 2008, Москва — Пенза)¹. Конференции выявили узловые вопросы темы, которые требуют своего осмысления с позиций современного обществознания. О них говорили в своих выступлениях В.М. Межуев («Всечеловеческое и самобытное в российском самосознании»), Е.С. Строев («Проблемы российского самосознания»), С.А. Никольский («Об особенностях русского самосознания и способах его постижения»), А.А. Кара-Мурза («Диалектика “европеизма” и “самобытности” в отечественном интеллектуальном наследии»), В.С. Васютин («Проблемы толерантности межнациональных отношений в российском сознании»), И.К. Лисеев («Национальный менталитет и национальная идея России»), Э.Ю. Соловьев («Самосознание против самолюбования»), Н.И. Лапин («Россия на современном этапе изменений общества: самооценки и самочув-

¹ Обзор конференций см.: Философские науки. 2008. № 7. С. 143–158.

стве»), И.Н. Сиземская («Русская историософия как форма выражения национального самосознания»). В центре обсуждения был вопрос о факторах формирования и роли национального самосознания в жизни современного социума, о специфике его рассмотрения в рамках философского подхода к проблеме.

В философском плане проблема связана с обращением к анализу важнейших механизмов развития культуры — как в ее национальных формах, так и в общечеловеческих проявлениях, поскольку национальное самосознание традиционно для социально-философского знания рассматривается как социокультурный феномен, как важнейшая составляющая культуры. Его исходными являются те структурные элементы, которые исторически закрепляются в традициях, обычаях, образе жизни, характере народа, но очевидно, что их простая совокупность еще не образует национального самосознания. Поэтому немаловажное значение имеет вопрос, с какого момента этнопсихологические особенности народа трансформируются в национальное самосознание, какие структурные элементы его жизнедеятельности определяют его появление и дальнейшее историческое развитие, через какие формы общественного и индивидуального бытия оно проявляется? От ответа на этот вопрос зависит, будем ли мы квалифицировать различные формы этнографического партикуляризма, культивирование особенностей семейных, межличностных отношений и т.п., в качестве естественного стремления народа сохранить свою национальную самобытность, или как проявления своего рода культурного консерватизма, тормозящего его включение в процессы, характеризующие развитие современного мира. Чем отличается этот консерватизм, принимающий нередко форму национализма, от желания остаться жить в исторически сформировавшейся национальной культуре, дающей реальное ощущение принадлежности к определенному сообществу, без чего невозможно полноценное существование человека, ибо в противном случае он просто «потеряется» в том обилии контактов, в которые включен сегодняшним ритмом жизни? Поиски ответов на эти вопросы приводят к признанию, что

фактором, определяющим проявления позитивного национального самосознания является пробуждение в народе осознания себя и своей культуры как **соравной** культуре других народов, ощущение своей причастности к духовному и цивилизационному развитию всего человечества. Только на базе такого «видения себя» формируется национальная общность, необходимое ощущение национальной идентичности и рефлексирующее сознание народа, т.е. осознание себя как отличного и одновременно тесно связанного с другими. Только при этом условии, говоря языком историософии, становится возможным то «всеединство», когда целое существует не за счет всех, а индивидуальное находит адекватное своей природе существование во множестве.

Другой немаловажный аспект проблемы связан с необходимостью учета особенностей культурно-исторического контекста, в котором происходит формирование национального самосознания. Русское самосознание развивалось «под знаком» диалога с Европой, в русле историософских размышлений о культурной и цивилизационной идентичности, основание которой находилось в православии. Истоки этих размышлений уходят к хорошо известной идеологеме «Москва — третий Рим», сформулированной в XVI в. старцем Елизарова монастыря Филофеем, а развернутое обоснование — к концептуальному осмыслению проблемы в XIX в. славянофилами. Последние видели за противоположностью России и Европы антитезу «принуждающей власти и творческой свободы». Поэтому диалог был, по сути, разговором о том, чем должна руководствоваться нация, если хочет жить не только «по разуму», но и «по совести», если хочет сочетать в своем общественном бытии закон и порядок с моральными заповедями христианства. Проблемы национального самосознания, таким образом, увязывались с идеей универсальной цивилизации, способной объединить народы всего мира. Правда, в таком замысле была своя «ловушка», в которую попали поздние славянофилы: общечеловеческое начало при определенной системе доводов превращалось в национальное, касающееся только одного народа, а именно — рус-

ского. Не стоит забывать также, что славянофильский спор с европейской культурой сопрягался и с официальной триадой «Православие — самодержавие — народность». Такая ситуация актуализирует вопрос: кто является субъектом национальной идеи? Народ, творческая и образованная часть его (мудрецы-мыслители, интеллигенция), государство, «вожди нации»? Насколько национальная идея, овладевающая общественным сознанием, является выражением тех ценностных ориентаций, духовных традиций, особенностей национальной ментальности и национальной культуры в целом и во всех ее отдельных проявлениях, которые определяют «лицо» нации, ее национального самосознания? Окончательные, однозначные ответы на эти вопросы и на сегодняшний день отсутствуют.

Вот почему проблемы развития и методов исследования российского самосознания нуждаются в дальнейшем коллективном обсуждении, в достижении некоторого консенсуса по выявившимся позициям.

От редакции